

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ ЕВРОПЕЙЦЕВ XVII ВЕКА

CHILDHOOD AND YOUTH AS SEEN BY OF EUROPEANS OF THE 17TH CENTURY

M. Kovaleova

Annotation

The article tells about views of Europeans of the 17th century on childhood and youth, their age and psychological characteristics, reflected in art and literature. It explains the attitude to the life and death of children, customs, associated with their birth names, describes in detail the system of primary, secondary and higher education. When writing this article the writings of philosophers, writers, diaries and letters of contemporaries were used.

Keywords: the history of European culture of the 17th century, the history of education in the 17th century, the views of Europeans of the 17th century, childhood and youth in the 17th century.

Ковалева Марина Вячеславовна
ФБГОУ ВПО
"Госуниверситет – УНПК",
г. Орел

Аннотация

В статье рассказывается о взглядах европейцев 17 в. на детство и юность, их возрастные и психологические особенности, отражение в искусстве и литературе. Рассматривается отношение к жизни и смерти детей, обычаи, связанные с наречением именем, подробно описывается система начального, среднего и высшего образования. При написании статьи использовались сочинения философов, писателей, дневники и письма современников.

Ключевые слова:

История европейской культуры 17 в., история воспитания в 17 в., взгляды европейцев 17 в., детство и юность в 17 веке.

XVII в. впервые глубоко проявляет интерес к детским и отроческим годам человека. Хотя детей много рождалось и много умирало, осознаётся ценность раннего возраста, что выражается в частом заказе портретов младенцев, причём не только детей высокопоставленных лиц и правителей, но и людей среднего достатка из ремесленной среды. Любящие родители, возлагая на отпрысков большие надежды, требовали от художников то придать детям героические черты, то черты мифологических персонажей наподобие Купидона или похищаемого орлом Ганимеда.

Смертность детей до года в среднем составляла 25%. До 10 лет не доживало почти 50% детей. [10, С.184] Даже большое количество детей совершенно не гарантировало с уверенностью продолжение рода. Известный испанский драматург Лопе де Вега (1562 – 1635) имел восемь законных и незаконных детей. Из них четверо умерли в детском возрасте, единственный сын погиб в возрасте 28 лет, одна дочь ушла в монахини и одна вышла замуж. У писателя был один внук. Из четырёх законных детей художника Рембрандта ван Рейна (1606 – 1669) пережил младенческий возраст и достиг совершеннолетия один сын, умерший в возрасте 27 лет и оставивший одну дочь. У Рембрандта также была одна незаконнорожденная дочь, имевшая двоих детей. Кардинал де Жуайёз при жизни прославился "непостоянством в отношении к нему фортуны", так как "из пяти его братьев, среди кото-

рых лишь он один служил Церкви, трое погибли в сражениях и на дуэлях; четвёртый умер капуцином, все четверо не оставили после себя потомства", и лишь старший имел одну дочь. [13, С.290]

Жена английского посла в Испании, леди Фэншэв, излагая в мемуарах для сына историю своей семьи, писала: "Мой дорогой муж имел шесть сыновей и восемь дочерей, рождённых и окрещённых, и потерял более шести, трёх в разное время, а также трёх сыновей, когда я была в среднем возрасте. Харрисон, мой старший сын, и Генри, мой второй сын; Ричард, мой третий; Генри, мой четвёртый; и Ричард, мой пятый, все умерли; [...]; моя старшая дочь Энн похоронена в приходской церкви Танкерсли, в Йоркшире, где она умерла; Элизабет лежит в часовне Французского госпиталя в Мадриде, где она умерла от лихорадки в возрасте 10 дней; моя следующая дочь с таким же именем похоронена в приходской церкви Фут Крэй, в Кенте, возле Фрог-Пул, дома моего брата Варвика, где она умерла; и моя дочь Мэри лежит в склепе моего отца в Эртфорде, с моим первым сыном Генри. (...) Я благодарю Господа за живущих – тебя, твою незамужнюю сестру Кэтрин, Маргарет, вышедшую замуж за Винсента Грэнтхэма, эсквайра Гулто, Энн и Элизабет". [20, С.20–21]

Желание защитить своё потомство отразилось в обычаях присвоения имён. Выбор имени у католиков оз-

начал, прежде всего, выбор небесного покровителя – святого или святой. Когда необходимость в защите была особенно сильной, обращались к Богоматери. Если девочка могла получить имя Мария напрямую, то мальчику её имя присоединяли к мужскому имени. Увеличить количество святых заступников можно было путём увеличения количества даваемых имён. В Испании обычные дворяне имели право на 6 имён, гранды – на 12, а наиболее знатные могли не ограничиваться никакими рамками. Правда, незнатные европейцы, желая привлечь на свою сторону всю небесную рать, нашли выход в образовании имени со значением "Все святые", например, Сантос – в Испании, Душ–Сантуш – в Португалии, Туссен – во Франции. В XVII в. протестанты брали имена из Библии, например: Адам, Абрахам (Авраам), Джошуа (Иешуа), Джонатан (Ионафан), Дэвид (Давид), Мозес (Моисей), Ребекка (Ревекка), Рахел (Рахиль). В их среде создавались новые имена с религиозным уклоном, например, Готлиб (Бог + любовь), Христлиб (Христос + Любовь). [16, С.74–79]

Во Франции младенец проходил малый и большой обряд крещения. Второй обряд, при котором давалось личное имя, мог откладываться. Дворяне в быту именовались не по личным именам, а по своим титулам, часто включавшим название наибольшего из их владений. Этот обычай привёл к курьёзному случаю, который описывает в своих мемуарах герцог де Сен–Симон. Граф де Шарлю и его супруга только при составлении брачного контракта своего сына, маркиза де Леви, спохватились, что у него нет крёстного имени. Возник вопрос, был ли он вообще крещён. Пришлось обратиться к кормилице маркиза, которая, к счастью была жива, и смогла припомнить подробности крещения. [15, С.365]

Отношение к смерти детей изменилось в течение столетия. В начале века это событие было горем, перед которым следовало смириться, ибо оно было частым и обычным. Основатель французского классицизма Франсуа Малерб (1555 – 1628), обращаясь к другу Десперье, потерявшему 5–летнюю дочь, указывал, что он сам потерял двоих детей, но нашёл утешение в осознании бесполезности возмущения перед лицом смерти и в покорности провидению. [8, С. 607] Король Генрих IV упрекал свою жену в равнодушном отношении к серьёзной болезни сына. Кардинал Ришелье в своих мемуарах оправдывает её поведение: "Но тот, кто умеет читать в прошлом и настоящем, поймёт причину: она дорожила сыном по смерти отца больше, чем при жизни того, ведь теперь она не могла больше иметь детей". [13, С.138] Постепенно утверждается мысль о неповторимости и невозможности замещения одного ребёнка другим, какого бы возраста он ни был. Переживание утраты становится более острым и отчаянным. Мольер (1622 – 1673), посвящая сонет другу своего друга, аббата Ле–Вайе, советует ему не скрывать своего горя и не обращать внимания на приличия, ибо умерший унёс с собой не только сокровища своего ума и сердца, но и все родительские надежды. [8, С.693] Когда герцог де Грамон, маршал, узнал о смерти своего

сына, графа де Гиша, то, "оставшись наедине со святым отцом, бросился ему на шею, говоря, что тотчас догадался, какую весть тот ему принёс; что он принимает этот смертельный удар от Бога; что он теряет единственный предмет всей его нежности, всей присущей ему привязанности; что он никогда во всей своей жизни не испытал ни одной радости и ни одного огорчения, помимо своего сына". Герцог и священник отправились в церковь, где служили панихиду по графу: "Маршал вошёл туда дрожа, падая, его скорее поддерживали и подталкивали, чем носили его собственные ноги; его лицо было неузнаваемо... Он как человек, приговорённый к смерти". [14, С.198 – 199]

В начале XVII в. ещё сохранялся средневековый взгляд на семью, отрицающий ценность жизни в браке по сравнению с жизнью в безбрачии. Фрэнсис Бэкон (1561 – 1626), указывал, что великие люди не имели семей и детей. Вместе с тем он считал, что дети, увеличивая тяготы жизни, смягчают мысль о смерти. Он отмечал, что в современных ему семьях отношение родителей к детям во многих случаях неодинаково: "В доме, полном детей, можно видеть, что одного или двух старших уважают, а самых младших балуют; однако из средних детей, которых как бы забывают, не раз между тем выходили самые лучшие люди". Он советует родителям заботиться, чтобы привязанность детей к ним покоилась на авторитете, а не на кошельке. [5, С.364]

Детский возраст рассматривался период, когда человек ведет себя естественно, отличается переменчивостью настроений и мнений, и совершает вследствие своей неопытности многочисленные ошибки. Однако ребёнок прелестен в своей непосредственности. Госпожа де Севинье обменивается с дочерью мнением о своих внуках: "Вы пишете, что ваш сын становится не так хорош собой, достоинства больше; жалею о его красоте и радуюсь его пристрастию к вину: частичка Бретани и Бургундии вместе с благоразумием де Гриньянов произведёт прекрасный эффект Ваша дочь составляет противоположность этому: она становится с каждым днём красивее, а её хорошие качества уменьшаются. Уверяю вас, что она очень хороша, но зато упряма, как маленький демон; у неё есть своя маленькая воля и свои маленькие фантазии. Она меня очень забавляет". [14, С.157]

Шарль Перро (1628 – 1703), как многие из современников, полагал, что ребёнок в целом отличается от взрослого только большей слабостью тела и ума, но эти недостатки исчезают по мере взросления. В принципе, он может понять любой предмет так же, как и взрослый, нужно лишь, применяясь к возрасту, объяснять ему кратко и просто, в занимательной форме: "Не достойны ли похвалы родители, которые своим детям, ещё не способным воспринимать истины существенные и ничем не приукрашенные, уже внушают к ним любовь и дают, так сказать, отведать их, облекая в форму рассказов занимательных и приспособленных к их слабому младенческому разумению". Душа ребёнка ещё не испорчена и невинна.

[4, С.202–203]

Вместе с тем постепенно приходило осознание отличий психологии детей от взрослых. Жан де Лабрюйер (1645 – 1696), французский моралист, обращал внимание на такие особенности детского возраста как наблюдательность, меткость определений, обострённое чувство справедливости. Он выступал за соразмерность наказания за проступки, указывая, что чрезмерная жестокость портит детей так же, как и безнаказанность. [12, С.157] Рене Декарт отмечал, что дети легко плачут, но, в отличие от стариков, плачущих от сильной любви и радости, чаще всего делают это от печали, даже когда она не сопровождается любовью. При этом некоторые дети, когда сердятся, не плачут, а бледнеют. Это может быть свидетельством их рассудительности и храбрости, если они, уподобляясь взрослым, готовятся оказать сопротивление серьёзному злу, но чаще бывает следствием дурного характера, а конкретно проявления страха и зависти. [7, С.310–311] Подростковый возраст как таковой не отделялся от детства.

Период юности считался временем необузданных страстей, с которыми молодой человек не только не может справиться, но и не стремится к этому. Матео Алеман (1447 – 1614) писал: "Таков и безрассудный задор молодости: словно сверкающая молния, он избегает целей простых, доступных и обычных и устремляется к величайшим трудностям и сумасбродствам. Молодость не знает закона, не боится греха. Словно необъезженный конь, несётся она вскачь, не разбирая дороги, неведомо куда; вся во власти слепых порывов, она не даёт разуму оседлать её и испуганно шарахается от самой лёгкой ноши. Безумие её так велико, что даже исполнения всех прихотей ей мало". Отсюда следует вывод о необходимости держать юношей под контролем и подавлять их порывы, приучая к смирению и покорности, которые должны возобладать в более зрелом возрасте. [1, С.89] Фрэнсис Бэкон, подмечая незрелость мыслей юношей, отмечал их большую изобретательность и деятельность при условии, что они имеют уравновешенный характер. Те же, кто не способен управлять своими желаниями и чувствами, не готовы и к серьёзным делам: "Молодые люди, ведя свои дела и управляя ими, захватывают больше, чем могут удержать; будоражат больше, чем могут успокоить; несутся к цели, не обращая внимания на средства и желая достичь её сразу, одним махом; слепо следуют каким-то нескольким принципам, на которые они случайно наткнулись; легкомысленно вводят новшества, которые повлекут за собой непредвиденные неудобства; прибегают сразу к крайним мерам и – что усугубляет все их ошибки – не признают ошибок и не исправляют их; не идут на попятную, как нетренированная лошадь, которую не остановишь и не повернёшь". В серьёзных начинаниях Бэкон призывал сочетать деятелей разных возрастов, чтобы старшие и младшие могли скрадывать недостатки друг друга и взаимно дополнять достоинства, свойственные разным периодам жизни человека, "ибо старики пользуеться авторитетом, а молодёжь – любовью и популярностью". [5, С.448] Франсуа де Ларошфуко полагал, что молодость – "это постоянное опьянение, горячка рассудка", безудержное наслаждение жизнью. Указывая на стремление подростков выглядеть взрослыми и уверенными в себе, он подчёркивал их неумение сделать это: "Юношам часто кажется, что они естественны, тогда как на самом деле они просто невоспитанны и грубы". [12, С.75,92] Жан де Лабрюйер также полагал необузданность страстей и желаний отличительной чертой молодости. Неопытность и наивность юноши – государя в делах часто ведёт к использованию этих качеств людьми более старшими и коварными: "Молодость государя – источник многих крупных состояний". [12, С.336]

Если о способности принимать разумные и взвешенные решения юношей современные писатели были невысокого мнения, то об уме молодых девушек – ещё более низкого: "Ведь молодые девушки неразумны, они не умеют сами отличать дурное от хорошего, падки на всё, что блестит; они думают, что в замужестве всё сладко, а всё горькое и кислое бывает только дома у отца и матери". [1, С.395 – 396]

Если о способности принимать разумные и взвешенные решения юношей современные писатели были невысокого мнения, то об уме молодых девушек – ещё более низкого: "Ведь молодые девушки неразумны, они не умеют сами отличать дурное от хорошего, падки на всё, что блестит; они думают, что в замужестве всё сладко, а всё горькое и кислое бывает только дома у отца и матери". [1, С.395 – 396]

В испанской художественной литературе ранее всех прочих европейских литератур начинает подробно освещаться происхождение героя, его рождение и годы, проведённые в школе, колледже и университете, показывается влияние раннего жизненного опыта на дальнейшую жизнь человека. Самым первым романом, где прослеживается эта линия, является "Жизнь Ласарильо с Тормеса", вышедшая ещё в 1554 г. Пример описания детства и юности рубежа XVI – XVII вв. даёт Матео Алеман в "Жизнеописании Гусмана де Альфараче, наблюдателя жизни человеческой". Его герой – незаконнорожденный сын обеспеченного знатного человека, который ни в чём не знает отказа и покидает родной дом ради поисков приключений только лишь от пресыщения. Жизнь ребёнка и подростка из нижней части среднего городского класса рисует в своём романе "История жизни пройдохи по имени дон Паблос" Франсиско де Кеведо-и-Вильегас.

Городская школа или домашний наставник, воспитание в доме знатного вельможи или колледж, а затем университет или военная служба – вот обычный путь молодого человека XVII в., принадлежащего к среднему или высшему классу, к взрослой жизни.

Начальная ступень образования в разных европейских странах находилась в руках местных властей или духовенства, или различных общин. Его задача состояла в том, чтобы дать ребёнку в первую очередь навыки знаний о религии и поведении, а также научить его азам чтения, письма и счёта. Результат, главным образом, ожидался от мальчиков. Не во всех европейских странах ставился вопрос о необходимости обучения девочек. В Испании начальные школы были частными. Девочки получали домашнее обучение, если их родители были сами достаточно просвещёнными. Очень многие отцы семейств продолжали придерживаться мнения, что излишние знания

портят нравственность женщин. В Италии начальное народное образование находилось на попечении благотворительных религиозных организаций или частных лиц. В Риме существовали благотворительные школы, курируемые духовными лицами, которые готовили талантливых бедных мальчиков для поступления в иезуитские колледжи. Девочки могли рассчитывать, главным образом, на домашнее образование или монастырскую школу.

В Голландии учителем мог стать каждый, кто получил свидетельство после письменного подтверждения исповедания реформатской веры и принесения присяги. Учителями работали как мужчины, так и женщины. Дети 3–7 лет обоего пола заучивали молитвы, алфавит и пели псалмы. Затем они переходили в школу, где обучались чтению, письму и четырём арифметическим действиям, основам религии и правилам поведения. Обучение проходило коллективно (дети хором повторяли за учителем) индивидуально (ученики по очереди подходили к учителю, отвечали урок или получали задание). Занятия в городе проходили в доме учителя, а в деревне – в сарае или амбаре. Получили распространение "французские" школы, где беженцы–гугеноты, кроме обычной программы, преподавали свой родной французский язык, считавшийся средством международного общения. [9, С.134,140]

Во Франции начальное образование полностью находилось в руках церкви. В деревнях учителя избирала община. Её выбор подтверждался епископом. Чаще всего учителями избирались деревенские нотариус или церковный кантор. Дети сначала учились читать на латыни, знанию литургических текстов, молитв и стихов, произносимых во время мессы. После их обучали чтению на родном языке, письму и правилам поведения. В городе обучиться писать можно было у профессиональных писарей, а также у содержавших частные школы письма и счёта учителей–каллиграфов. Ремесленники отвечали за обучение своих подмастерьев чтению, письму и счёту. Для беднейших устраивались школы для преподавания азов религии, чтения и письма, чтобы они могли стать хорошими слугами. [2, С.289,290,296,300] Население всё больше осознавало необходимость знаний для успешной социализации детей в жизни: "В конце XVII в. в Руане свидетельство о браке подписывают собственноручно 100% именитых граждан, 85% лавочников, 75% ремесленников и 38% рабочих". [3, С.391]

Движение по распространению начального образования во Франции возглавил французский священник Жан Батист Ла Салль (1651 – 1719). Его начало связано с группой из пяти учителей, которые обязались обучать детей в школах для бедных в Реймсе в 1679 году. Три года спустя благодаря Ла Саллю их начинание завершилось формулированием установлений новой организации, которая бы способствовала оказанию помощи бедным в получении образования. В 1684 г. Ла Саллем была создана организация "Братство христианских школ". Поскольку новые школы оказались востребованы, они вскоре распространились не только в окрестностях Реймса, но и в цер-

ковных приходах Парижа. Чтобы восполнить недостаток учителей, в 1684 г. Ла Салль создал учительскую семинарию. Для честолюбивых и талантливых бедных юношей под эгидой братства была открыта "Христианская академия", где они могли обучаться рисованию, геометрии и архитектуре по воскресеньям. Образовательные цели "христианских братьев" были преимущественно религиозными. К теоретическим предметам они прибавляли практические занятия. Дети изучали чтение, письмо, арифметику, религию, наставления в поведении, историю, математику, ботанику, географию, рисование, архитектуру, гидрографию, навигацию, различные технические предметы. Практиковались ручной труд и профессиональное обучение. [18, С.140 – 142]

Движение, связанное с распространением начального образования, охватило и Германию. В 1619 г. герцог Веймарский издал указ о том, что все дети, как мальчики, так и девочки, должны с 6 до 12 лет посещать школу. Это был первый обязательный закон об образовании, охватывавший детей всех классов. В 1642 г. герцог Эрнст Готский принял новый школьный устав, согласно которому в его владениях каждый ребёнок должен был ходить в школу, начиная с шести лет и оставаться там до тех пор, пока не научится хорошо читать на языке своей матери, считать, писать, петь псалмы. Также он был обязан усвоить основы религии. Главным дефектом начального образования в Германии было отсутствие компетентных учителей. В их число попадали отставные солдаты, студенты–неудачники, опустившиеся ремесленники – все, кто хоть немного умел читать и писать, а также знал азы музыки. Профессия учителя была низкооплачиваемой и непристойной. [22, С.207–208]

В Англии начальное образование дети обоих полов получали в приходской школе, где их должны были обучить основам религии. В то время как мальчики дополнительно занимались чтением, счётом и письмом, девочки, в основном, обучались вязанию и прядению. Редко кто из них умел читать, и почти никто писать. При желании состоятельные родители могли нанять учителей и дать им дополнительное образование дома. [11, С.51–52]

Получить сразу среднее и высшее образование во многих европейских странах можно было в колледже (коллеже), входившем в состав университета. В католических странах лучшие из них принадлежали иезуитам. Иезуиты сами не занимались начальным образованием. Дети, поступающие в их учебные заведения, должны были уметь читать и писать. Иезуитское образование состояло из низшего колледжа с гимназическим курсом и высшего колледжа, дававшего университетское образование. В низший колледж поступали мальчики с 10 до 14 лет, которые обучались там 5–6 лет. Первые три класса тщательно изучалась латинская грамматика, а также немного греческий язык. В четвёртом читали латинских и греческих поэтов и историков. В последнем классе, где учились два года, происходило изучение классических авторов с риторическим уклоном. Полный курс высшего

колледжа длился 7–9 лет. Первые три года изучалась философия с присвоением звания магистр искусств, а следующие 4–6 лет – богословие. Многие иезуиты по окончании курса философии несколько лет проводили в колледжах с юридическим уклоном, прежде чем приступить к богословскому курсу. Кроме теологии, богословский курс предусматривал изучение восточных языков, включая еврейский, Церковной истории, разных религиозных направлений. Один или несколько учеников могли быть избраны для дальнейшего углубления знаний и приготовления тезисов. После публичного экзамена счастливый кандидат получал степень доктора богословия. Полный курс обучения у иезуитов, таким образом, мог длиться 18–20 лет.

Технология обучения заключалась в устном объяснении, которое затем заучивалось или записывалось. В начале учитель знакомил учащихся с основным значением отрывка или предложения, затем детально разбирались конструкция и фразеология, с приведением подобных конструкций в текстах других авторов. Следом шёл информативный комментарий, изучались риторические фигуры и извлекался моральный урок. Обучение у иезуитов требовало большого напряжения памяти. Переработать большой объём материала помогали короткие по длительности занятия и смена предметов.

Проверки знаний были частыми и систематическими. Каждый день начинался с повторения изученного накануне и заканчивался проверкой изученного только что. Неделя завершалась проверкой того, что было изучено за этот срок. Последний месяц каждого года проверялись знания за год. Также в обучении использовались методы соперничества (деления учащихся на пары "соперников", которые должны были контролировать поведение и обучение друг друга), наград и наказаний, организации публичных диспутов между двумя спорящими сторонами. Ученики, проявлявшие способности и желание учиться пользовались большей свободой в школе, чем остальные. Система воспитания иезуитов базировалась на абсолютном подчинении и строгости, подавлении индивидуальности и своеволия. В небольших колледжах обучалось в среднем 300 учеников, в то время как в больших учебных заведениях их могло быть до 1–2 тысяч. [18, С.134–137]

В Испании значительная часть средних учебных заведений для мальчиков находилась под руководством ордена иезуитов. Лопе де Вега учился в Королевском колледже ордена иезуитов в Мадриде (основан в 1572 году), куда принимали детей богатых дворян, а также талантливую юношей, не имевших собственных средств для обучения. Учащиеся в этом учебном заведении могли получить денежное вспомоществование на покупку одежды и книг. В колледже, главным образом, изучались гуманитарные науки: теология, античная литература, латынь. Учеников знакомили с основными понятиями евклидовой геометрии и началами философии. Они участвовали в театральных постановках. Физическое воспитание осу-

ществлялось через обучение танцам и фехтованию. [6, С.49–51]

В Италии также были распространены иезуитские колледжи. Одним из самых знаменитых был Испанский колледж в Болонье, основанный кардиналом Альборносом. Он готовил чиновников и юристов во все доминионы короля Испании в Италии (Милан, королевство Неаполь, Сицилия). Колледж имел красивое здание с церковью. Его украшали портреты выпускников, занявших видные должности. Никто не мог жить на территории учебного заведения, кроме природных испанцев (за исключением священников), и те испанцы должны были иметь степень докторов права. Учащиеся тщательно изучали язык и обычаи той страны, где им надлежало работать. Колледж владел двумя каретами. В нём останавливались все проезжие испанские послы, кардиналы и прелаты. [19, С.149]

Во Франции иезуиты лишь частично контролировали обучение и воспитание мальчиков и подростков. Поступали в коллежи в возрасте 8–9 лет и большинстве покидали их в возрасте 15–16 лет. Университетский квартал в Париже занимал почти четверть города и был густо населённым. В описании Парижа от 1687 г. сообщается, что в нём насчитывалось тридцать коллежей, в девяти из которых сохранялись низшие классы. [17, С.3] Богословие преподавалось преимущественно в Сорбонне и Наваррском коллежах. Гражданское и каноническое право изучали в коллеже Бовэ. Французское право изучали в коллеже Камбрэ. В коллеже на улице Бушери осваивали медицину и имели собственный медицинский амфитеатр для вскрытия тел. [17, С.5]

Коллеж Клермон находился в руках иезуитов. Он был основан Гильомом Дюпра, епископом Клермона и первоначально располагался в его доме. По завещанию епископа учебное заведение получило 3000 ливров ренты и значительную сумму денег, на которую был куплен участок земли на улице Сен-Жак. Здесь ученики получали гуманитарное образование. Особое внимание уделялось сохранению чистоты религии. В Клермоне насчитывалось до 2–3 тысяч учеников, многие из которых приезжали из-за границы. Ученики изучали разом и религиозные, и светские дисциплины. Здесь изучались богословие, философия и математика, но лишь теми, кто собирался стать иезуитом или не собирался получать степень в университете. Те же, кто хотел стать магистром или доктором, обязаны были изучать данные науки в коллежах университета. Иезуиты тщательно следили за тем, чтобы их ученики каждый месяц ходили к исповеди и славились качеством обучения. [17, С.40–42]

Коллеж Мармутье славился редкой библиотекой, в которой были не только древнееврейские древние манускрипты, но и книги по истории Испании и её провинций. В нём хранилась коллекция древних медалей. Среди преподавателей было много авторов знаменитых в своё время сочинений. Учащиеся Мармутье ставили небольшие трагедии, на которые приглашались зрители. После

Пасхи объявлялся конкурс трудных вопросов, за ответ на которые полагались призы. Проводилась защита тезисов. Случалось, что призы вручал сам король. Самым грандиозным представлением коллежа была ежегодная постановка в августе большой трагедии, для чего двор превращался в сцену. Актёрами были ученики, преимущественно сыновья знатных персон. В перерывах между актами танцевали балет. [17, С.43–44]

Коллеж Сорбонна считался одним из главных украшений Парижа. Его прекрасный внешний вид сравнивали с великолепной репутацией его выпускников. Первое здание коллежа было построено Робером де Сорбонн, духовником короля Людовика Святого. Впоследствии кардинал Ришелье перестроил здание. Библиотека коллежа располагалась в двух больших комнатах, в которых проходили богословские диспуты и защита тезисов. В ней хранилось два тома "Истории Рима" Тита Ливия, написанные на пергамене и переведённые на французский язык для короля Карла V. Каждая глава "Истории" открывалась миниатюрой и украшалась цветочной вязью, выполненной золотом. Кроме того, библиотека содержала обширную богословскую литературу. Сорбонна считалась одной из лучших богословских школ. [17, С.71,74,75] В дневнике англичанина

Д. Эвелина сохранилось описание занятий в Сорбонне, куда он отправился послушать лекции с ирландским джентльменом Дж. Воллом, который прежде был монахом в испанском монастыре, а ныне пребывал наёмным солдатом, капитаном кавалерийских войск в Германии: "Мы вошли в школу, и на занятии по богословию нашли важного доктора в его кресле с многочисленными слушателями, которые все писали то, что он диктовал; это у них называлось курсом. Мы посидели немного, и наш кавалер (ирландец – авт.) начал диспут в грубом тоне с доктором; и особенно потому, что он был одет в испанском стиле, который почитается в Париже подобным пугалу, студенты и доктор покатались со смеху, так что никто не мог услышать, что говорит другой; но тишина была достигнута, он начал говорить на латыни, и произнёс апологию таким хорошим стилем, что их насмешки сменились восхищением; начав обсуждение, он так сбил с толку профессора, что они поднялись с всеобщими аплодисментами и воздали ему великие почести, поджидали на улице нас и нашу карету, и выказывали великое удовольствие". [23, С.45–46]

Коллеж Трезорьер обучал богословию приезжих из-за границы. Здесь лекции читали шесть докторов – три с утра и три после обеда. Трезорьер считался очень хорошей школой. Он организовывал публичную защиту тезисов. [17, С.72] Коллеж Четырёх наций был основан на деньги кардинала Мазарини и открылся в 1689 году. Он получил библиотеку кардинала, которая два раза в неделю была доступна и посторонним лицам. Коллеж предназначался для дворян из недавно присоединённых к Франции провинций – Артуа, Эльзаса, Пиньероля и Руссильона. [17, С.148–149]

Ученики коллежей могли проживать в специальных общежитиях, приходили на учёбу из дома, могли жить у родственников, снимать комнаты или квартиры в городе, а также поселиться в доме главы коллежа.

Вариант католического образования, противоположный иезуитскому, был представлен школами янсенистов. Доктрина янсенизма, враждебная учению иезуитов, была сформулирована в 1621 г. Корнелисом Янсенем, профессором Лувенского университета. Она выступала за то, что Христос принял муки отнюдь не за всех людей, и благодать его коснётся лишь истинно верующих, строго выполняющих заповеди религии. Оплотом янсенизма во Франции стал монастырь Пор-Рояль в Шеврёзе. При монастыре была основана школа, подобные которой быстро появились и в окрестностях. В каждой училось не больше 20–25 человек. На одного учителя приходилось по 5–6 мальчиков, за которыми учитель осуществлял круглосуточный контроль. Обучение начиналось не с латыни, а с родного языка. Латынь изучали через минимум грамматики. Написанное по-французски переводили на латынь и обратно. Сходным способом изучали греческий. Курс был более литературным и не годился для тех, кто хотел бы в дальнейшем заняться наукой. Старшим ученикам преподавались логика и геометрия. Из методики преподавания почти полностью исключались соперничество и награды. Такие школы с их более мягкими и свободными нравами были не способны обеспечить порядок, серьёзность и благочестивый настрой, царившие в иезуитских колледжах. Они были закрыты в 1661 г. указом Людовика XIV благодаря влиянию иезуитов. [18, С.138–140]

Для протестантов существовали похожие на католические коллежи академии, где за счёт философии увеличивалось время на изучение теологии.

Подготовку к армии во Франции осуществляли различные военные академии. Академия Антуана дю Плювинеля, одного из воспитателей Людовика XIII, занималась подготовкой кавалерийских офицеров. Она открылась в 1594 году. В академии обучали прикладной математике, фортификации, фехтованию, верховой езде, танцам, геральдике, игре на лютне. Существовала Королевская Академия при королевских конюшнях. Там обучали фехтованию, верховой езде, письму, математике, рисунку, танцам и военным наукам. Академии как вид учебных заведений исчезли в XVIII веке. [2, С.211,213,215]

В Англии знаменитые университеты также состояли из колледжей. Итальянский путешественник Коронелли, посетив Оксфорд, отметил, что в городе проживает 10000 жителей, а число студентов временами достигает 3000 человек. Он называет следующие колледжи, входившие в состав университета: Мертон, Балиол, Эксетер, Ориэл, колледж Королевы, Новый колледж, Линкольн, колледж Всех Святых, колледж Магдалины, Брэйзеноуз, Тела Христова, Крайст-Чёрч, Тринити, святого Иоанна, Иисуса, Пембрук. Существовало семь общежитий, где студенты жили на собственные средства. Самая крупная библиотека университета была основана дипломатом и

учёным Томасом Бодли. Её зал украшали портреты знаменитых профессоров. Кроме того, имелись свои библиотеки в каждом колледже и у каждого студента. Университет владел кабинетом медалей и небольшим музеем редкостей. Генри Данвер, граф Данби, подарил университету ботанический сад, обнесённый каменной стеной, который располагался на берегу реки. Здесь составлялись гербарии, а медики разводили лекарственные травы. Имелась химическая лаборатория с печами и инструментами. В прилегающей к ней комнате находился склад необходимых материалов и библиотека книг по химии, натуральной истории, философии и другим наукам.

Кембриджский университет славился не меньше Оксфордского. Он состоял из 12 колледжей и 4 общежитий. [24, С.174–179]

В Италии славился Падуанский университет, где обучали всем наукам. Анатомический театр там появился ещё в 1594 году. 25 июня 1678 г. в Падуанском университете впервые получила докторскую степень женщина – Елена Корнаро Пископия (1646 – 1684). [21, С.292]

Среди испанских университетов наиболее уважаемыми являлись Саламанка и Алькала, оплоты богословия, но их методы преподавания под влиянием целенаправленной политики властей, опасавшихся новшеств, становились всё более схоластическими.

Девочки–подростки получали образование дома или в монастыре. Главный упор при этом делался на религиозное воспитание и рукоделие. Также их обучали чтению, письму и счёту. Иногда родители добавляли к перечисленным предметам пение, музыку и танцы. Все эти ухищрения должны были помочь подросшей девушке "поймать" выгодного жениха, выйти замуж и стать хорошей женой. В Англии во второй половине XVII в. получили распространение женские школы, где воспитанницы проводили от 20 дней до нескольких лет. Кроме религиозных наставлений, чтения, письма и счёта они изучали иностранные языки, получали некоторые сведения из истории и географии, а также обучались танцам, музыке и рисованию. [11, С.43]

ЛИТЕРАТУРА

- Алеман, Матео. Жизнеописание Гусмана де Альфараче, наблюдателя жизни человеческой: в 2 тт./Матео Алеман. – Т.1. – М.: Издательство художественной литературы, 1963.
2. Арьес, Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. / Ф.Арьес. – Екатеринбург, 1999.
 3. Блюш, Ф. Людовик XIV. / Ф.Блюш. – М.: Ладомир, 1998.
 4. Бойко, С. Шарль Перро. / С.Бойко. – М.: Молодая гвардия, 2005.
 5. Бэкон, Фрэнсис. Сочинения в 2-х тт. / Фрэнсис Бэкон. – Т.2. – М.: Мысль, 1972.
 6. Варга, С. Лопе де Вега. / С.Варга. – М.: Молодая гвардия, 2008.
 7. Декарт, Р. Сочинения. / Р.Декарт. – Калининград: Янтарный сказ, 2005.
 8. Европейская поэзия XVII в. / Сост. И. Бочкарёва, Ю.Виппер и др. – М.: Художественная литература, 1977.
 9. Зюмтор, П. Жизнь Голландии во времена Рембрандта. / П.Зюмтор. – М.: Молодая гвардия – Палимпсест, 2001.
 10. История Франции. / под ред. Ж. Карпентье. – СПб.: Евразия, 2008.
 11. Лабутина, Т.Л.. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. / Т.Л. Лабутина. – СПб: Алетейя, 2001.
 12. Ларошфуко, Ф. де. Суждения и афоризмы. / Ф. де Ларошфуко, Б.Паскаль, Ж. де Лабрюйер. – М.: Издательство политической литературы, 1990.
 13. Ришелье, Арман Жан, кардинал, герцог де. Мемуары. / Арман Жан, кардинал, герцог де Ришелье, – М.: АСТ, 2008.
 14. Маркиза де Севинье, Мари дё Рабютен–Шанталь. Письма. / Мари дё Рабютен–Шанталь, маркиза де Севинье. – СПб: Азбука, 2012.
 15. Сен–Симон. Мемуары.1691 – 1701. / Сен–Симон. – М.: Ладомир – Наука, 2007.
 16. Шаницин, А. Имена и революции. / А. Шаницин. – Атеистические чтения. – №19. – М.: Политиздат, 1990. – С.74 – 79.
 17. A new description of Paris. Translated out of French. – London: printed for Henry Bonwicke, at the Red Lion in St.Paul's Church-yard,1687. – Part. II.
 18. Graves, F.P. A History of education. / F.P. Graves. – New York: The Macmillan company, 1916.
 19. Lassels, R. The voyage of Italy. In two parts. / R.Lassels. – Newly printed at Paris, and are to be sold in London, by John Starkey, at the Mitro in Fleet–street near Templ–Barr, 1670. – P. 149.
 20. Memoirs of lady Fanshave. – London: Henry Colburn, New Burlington street, MDCCCXXIX.
 21. Robin, D.M. Enciclopedia of Women in the Renaissance: Italy, France and England. / D.M. Robin, A. Larsen, C. Levin. – ABC–Clio, 2007.
 22. Seeley, Levi. History of education. / Levi Seeley. – New York – Cincinnati – Chicago: American book company, 1914.
 23. The Diary of John Evelyn. Edited from the original mss. By William Bray. In two volumes. Vol.1. With a biographical introduction by the editor and a special introduction Richard Garnett LL.D. of the British Museum. – New York&London, 1901.
 24. Viaggi del P. Coronelli. Parte prima. – Venetia, per Gio. Battista Tramontino, 1697.